

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО И АРМЯНСКОГО ГЛАГОЛА

А. А. АСМАНГУЛЯН

Важность и необходимость сопоставительного изучения двух и более языков, имеющего как общетеоретическое, так и, в частности, практически-прикладное значение при обучении иностранным языкам, является в настоящее время общепризнанной и не вызывает споров¹.

Задачей сопоставительного изучения языков является выявление сходства и различий между исследуемыми языками, что непосредственно связано, в первую очередь, с практическими задачами обучения иностранным языкам. Усовершенствование методики преподавания и методических приемов обучения иностранным языкам возможно только на основе детального, всестороннего сопоставительного анализа структуры изучаемого и родного языка учащихся, что должно послужить базой для отбора и подготовки соответствующего учебного материала как при планировании и организации аудиторной работы, так и при создании учебников и учебных пособий по иностранным языкам. Из сказанного следует, что без лингвистических—сопоставительных исследований невозможно ни усовершенствование методики преподавания, ни создание учебников и учебных пособий, отвечающих современным требованиям².

Однако необходимо отметить, что, если подобные исследования имеются для целого ряда языков³, то серьезные сопоставительные работы, посвященные изучению фактов армянского и иностранных языков, обучаемых в средней школе и вузах нашей республики, пока отсутствуют.

¹ Ср. R. Lado, *Linguistics Across Cultures*, 1957; В. Н. Ярцева, О задачах сопоставительно-типологического изучения родственных языков (сб. «Вопросы общего языкознания», М., 1964); А. М. Кузнецов, Сопоставительно-типологический анализ терминов кровного родства в английском, датском, французском и испанском языках, М., 1970 и др.

² В связи с этим Р. Ладло еще в 1957 году писал: „It will be soon considered quite out of date to begin writing a textbook without having previously compared the two systems involved“. И далее: „... the linguistic comparison is basic and inescapable if we wish to make progress and not merely reshuffle the same old materials“ (R. Lado, указ. соч., стр. 3).

³ R. Lado, указ. соч.; W. G. Moulton, *The Sounds of English and German*, 2nd. impr., Chicago—London, 1962; H. L. Kufner, *The Grammatical Structure of English and German...*; А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, Братислава, 1954; К. Г. Крумельницкая, Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков, М., 1961 и др.

Известно, что при сопоставительном анализе фактов двух языков существенное значение с методической точки зрения имеют не сходства или совпадения, а именно структурные различия между этими языками. В этом отношении вопрос о том, на какие именно языковые явления должен обратить внимание исследователь, может быть решен только исходя из конкретных языков, поскольку то, что не является важным при сопоставительном изучении, скажем, английского и немецкого, английского и русского, армянского и русского и т. д. языков, может оказаться крайне существенным с точки зрения сопоставительного изучения английского и армянского языков, и наоборот. Поэтому отсутствие сопоставительных исследований фактов армянского и иностранных языков надо считать весьма большим пробелом. Большим пробелом надо считать также отсутствие у нас капитальных работ, всесторонне освещающих вопросы самой методики сопоставительных исследований двух языков⁴.

Однако помимо указанных выше практических задач, связанных с усовершенствованием методики преподавания иностранных языков, сопоставительное изучение факторов двух языков имеет также большое теоретическое значение, так как оно даст возможность на основании изучения конкретного языкового материала делать некоторые общие выводы относительно специфики и структурных особенностей каждого из сопоставляемых языков и тем самым выявить типологические особенности различных языков.

В системе грамматических категорий глагола категория залога представляет собой одну из наиболее сложных, если не самую сложную проблему, вызывающую самые различные толкования в применении к грамматической системе одного, отдельно взятого языка. Совершенно очевидно, что данная проблема еще больше усложняется, когда объектом исследования становятся два, хотя и родственных, но таких несхожих во многих отношениях по своему грамматическому строению языка, как английский и армянский.

Учитывая сложность самой проблемы залога вообще, дискуссионность целого ряда вопросов, связанных с определением смысловых структур залоговых оппозиций, количества залогов и т. д. в частности в армянском языке⁵, считаем целесообразным нашу первую попытку сопоставительного анализа залоговых форм английского и армянского

⁴ О необходимости разработки проблем и методов сопоставительно-типологического изучения языков см.: В. Н. Ярцева, О сопоставительном методе изучения языков («Филологические науки», 1960, № 1); ее же—Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков (X Международный конгресс лингвистов, Бухарест, 1967).

⁵ Ա. Ա. Արրաշահյան, Բայը ժամանակակից հայերենում, գիրք I, Երևան, 1962, է. Բ. Արաշահյան, Ժամանակակից հայերենի հոլովումը և խոնարհումը, Երևան, 1967, Գ. Բ. Ջահուկյան, Հայոց լեզվի զարգացումը և կառուցվածքը, Երևան, 1969, Մ. Ե. Ասատրյան, Բայի սեռերը ժամանակակից հայերենում, Երևան, 1959, Ս. Գ. Արրաշահյան, Ժամանակակից հայերենի քերականությունը, Երևան, 1969:

языков ограничить в данном сообщении рамками так называемой пассивной конструкции английского языка в сопоставлении с соответствующими средствами передачи значений данной конструкции в армянском языке.

Однако прежде чем приступить к анализу сопоставляемых конструкций, отметим, что при исследовании мы исходили из следующих общих положений: 1) залог является категорией глагольного словоизменения, т. е. категорией морфологической, выражаемой формой слова; 2) хотя грамматическое значение залога находится в тесной связи с лексическим значением глагола как отдельного слова, и с лексико-синтаксической категорией объектного управления, т. е. переходности/непереходности, четкое разграничение этих разнородных категорий, относящихся к разным языковым уровням (морфологическому, лексическому и синтаксическому) крайне существенно для определения значения грамматической категории залога и выделения залоговых противопоставлений в различных языках; 3) в языке нередко происходит перекрещивание значения, выражаемого грамматической формой залога, и значения, выражаемого глаголом как словом, с одной стороны, и значения переходности/непереходности—с другой; 4) переходность/непереходность, будучи связанной с определенными значениями слова (при многозначном слове), может приходить в столкновение с собственно-лексическим значением глагола; 5) употребление той или другой формы залога какого-либо глагола не нарушает одинаковости обозначаемого ими процесса как такового; 6) в категории залога выражается отношение между процессом и предметом этого процесса, при этом о грамматической категории залога можно говорить лишь в том случае, если данное отношение находит свое выражение в форме глагола.

В английском языке, как и в других современных германских языках, залоговая система представлена оппозицией: действительный залог (актив) || страдательный залог (пассив). По определению А. И. Смирницкого, категория залога показывает «как обозначаемый процесс или явление относится к предмету, характеризуемому и определяемому этим процессом. Если определяемый предмет характеризуется как источник процесса, его база, его носитель, то глагол выступает в форме действительного залога. Если же определяемый предмет является объектом действия, которое направляется на него извне, то глагол имеет форму страдательного залога»⁶. Таким образом, смысловая структура залоговой оппозиции актив || пассив характеризуется противопоставлением направления процесса: центробежность || центростремительность, а также противопоставлением по типу связи между признаком, обозначаемым глагольной формой и предметом—носителем признака⁷.

⁶ А. И. Смирницкий, *Морфология английского языка*, М., 1959, стр. 243.

⁷ Ср. М. М. Гухман, *Развитие залоговых противопоставлений в германских языках*, М., 1964, стр. 8.

Противопоставление залоговых значений актив||пассив в современном английском языке синтетически выступает лишь в формах причастия (ср. Writing—written). В предикативных же формах глагола пассив представлен аналитическими образованиями, которые базируются на причастии П в сочетании с глаголом to be.

Основной особенностью конструкции to be+причастие П в современном английском языке является омонимическое объединение в ней двух совершенно различных грамматических значений: с одной стороны, данная конструкция представляет собой аналитическую форму страдательного залога, обозначающую центростремительный процесс, с другой—это свободное синтаксическое сочетание, представляющее собой составное именное сказуемое с причастием П в функции предикативного члена. Таким образом, в отличие, например, от немецкого языка, где аналитическая форма пассива и составное именное сказуемое с причастием П отличаются друг от друга использованием двух разных служебных слов—вспомогательного глагола werden и связки sein, в английском языке отсутствуют формальные показатели, позволяющие отграничить собственно-страдательный залог, т. е. морфологизированное словосочетание, аналитическую форму от именного сказуемого. В результате омонимии английской формы страдательного залога и составного сказуемого с причастием П в английском языке постоянно возникает проблема отграничения первого от второго. Трудность их отграничения обусловлена, помимо тождества состава обеих форм и одинаковости характера связи компонентов, еще и тем, что вообще в языках наблюдается известная близость страдательного залога к именному сказуемому. Эта близость определяется не только тождеством состава именного сказуемого и залоговой формы, но и известной близостью смысловых различительных признаков. Как именное сказуемое, так и страдательный залог не обозначают центробежный процесс, противопоставляясь, таким образом, формам действительного залога, характеризующим центробежный процесс и активного производителя признака. Как при сказуемом в форме страдательного залога, так и при составном сказуемом имеется обозначение признака предмета. Разница заключается в том, что при сказуемом в форме страдательного залога превалирует элемент процессуальности, выражающейся в соотносительности этого признака с каким-либо действием, т. е. страдательный залог обозначает становление признака. В составном же сказуемом признак обозначает состояние как нечто данное, свойственное предмету. Таким образом, семантическое отличие страдательного залога от составного сказуемого определяется различием в характере представления признака: именное сказуемое обозначает признак как нечто данное, тогда как страдательный залог характеризует этот признак как нечто привнесенное извне, возникшее или возникающее. В именном сказуемом всегда преобладает статичность, страдательный залог всегда в большей или меньшей степени процессуален. Как отмечает М. М. Гухман, «при именном сказуемом носитель призна-

ка инактивен, при страдательном залоге инактивность переходит в аффицированность»⁸.

Разграничение аналитической формы пассива и именного сказуемого, выраженного сочетанием глагола *to be*+причастие П в английском языке возможно проводить лишь на основе их дистрибуции в разных контекстах, при этом обычно обращают внимание на следующие особенности: 1) в именном сказуемом некоторый признак, обозначаемый причастием, приписывается предмету, причем признак этот статичен и чисто qualificativen; 2) внесение процессуальности путем разного типа уточнений (обстоятельство времени, наименование деятеля, хотя последнее и не является существенным) означает возможность вывода данного сочетания из сферы именного сказуемого; 3) соотношение с активными синтетическими формами закрепляет это особое качество процессуальности.

Возможность двойного использования конструкции *to be*+причастие П в английском языке заложена в смысловой структуре причастия П, являющегося компонентом аналитической формы страдательного залога не только в английском, но и в ряде других индоевропейских языков. Причастие П в английском языке, как и в других германских языках, объединяет в себе два грамматических значения—пассива и перфектности. Однако эти два значения выступают в нем с разной степенью яркости в зависимости от целого ряда обстоятельств: у переходных глаголов или глаголов, выступающих в переходном значении, причастие имеет значение только перфектности (см. *gone, come*); в переходных глаголах различия в значении причастия (пассивность—перфектность) зависят от самой лексической семантики глагола, связанной с предельностью/непредельностью обозначаемого им действия. В причастии П терминативных глаголов оба значения—пассивность и перфектность—обычно выступают вместе (ср. *written*—*дирчшд*, *broken*—*дирчшд*), тогда как у дуративных глаголов причастие П утрачивает значение перфектности, сохраняя только пассивность (ср. *loved*—*дирчшд*, *hopoured*—*дирчшд*). Надо, однако, учесть, что терминативность может утрачиваться глаголом, а в результате этого причастием утрачивается значение перфектности.

Таким образом, для понимания того, почему причастие П выступает с тем или иным грамматическим значением, важна, с одной стороны, семантика глагола, а с другой—контекст, который часто определяет, выступает ли в данном случае глагол, от которого образуется причастие, в качестве терминативного или дуративного⁹.

В сочетаниях причастия П с глаголом *to be* отражаются разные оттенки грамматического значения причастия П.

Переходные глаголы непредельного видового характера в конструкции *to be*+причастие П всегда представляют собой аналитическую форму пассива (*he is loved by them*=*they love him*), тогда как пере-

⁸ М. М. Гухман, указ. соч., стр. 11 (разрядка моя—А. А.).

⁹ Ср. А. П. Смирницкий, указ. соч., стр. 263.

ходные глаголы предельного видového характера в исследуемой конструкции обычно образуют составное сказуемое, в котором причастие обозначает признак с особым оттенком результата процесса, имевшего место в прошлом. Однако при утрате глаголом терминативности (вследствие регулярной повторяемости действия), что ведет к усилению в причастии элемента процессуальности, в анализируемой конструкции те же самые причастия выступают как компонент аналитической формы пассива, поскольку причастие утрачивает значение перфектности, и конструкция *to be*+причастие П выступает уже не как обозначение признака, а как характеристика процесса.

Необходимо отметить, что в составном сказуемом, выраженном сочетанием *to be*+причастие П, как и в собственно-аналитических формах, имеется значение пассивности, но это значение выражается в самом причастии, при этом «пассив» здесь понимается иначе, чем аналитический пассив.

Таким образом, трудности отграничения аналитической формы пассива и составного сказуемого с причастием П связаны именно с терминативными глаголами, выступающими в исследуемой конструкции в одном и другом значении.

Для выражения указанных выше двух значений, характерных для английской конструкции *to be*+причастие П, армянский язык использует два различных грамматических средства.

Дифференциация этих значений здесь осуществляется противопоставлением конструкций с перфектно-результативным причастием (*հարիւր տարի*) па—*ած*+*եմ* конструкциям с простыми (синтетическими) или составными (аналитическими) глагольными формами страдательного залога с аффиксом «*ի*». Первая конструкция эквивалентна английской конструкции *to be*+причастие П, представляющей собой составное именное сказуемое, при этом необходимо отметить, что перфектно-результативное причастие в армянском языке в составном именном сказуемом может иметь показатель страдательного залога «*ի*» или не иметь, поскольку залоговое противопоставление (актив||пассив) в армянском языке осуществляется не в пределах синтаксического отрезка *հարիւր տարի + եմ*, т. е. не в результате переосмысления словосочетания в аналитическую форму, а противопоставлением основы глагола с суффиксом «*ի*» и без него: ср. *լսած*—*լսելի*, *գրած*—*գրելի* и т. д. Таким образом, само пассивное значение в армянском языке выражается синтетически и поэтому может сочетаться с любой формой глагола—личной или именной, причем в последнем случае в составе как аналитических форм, так и при самостоятельном употреблении причастия, если глагол переходный. Значение же страдательного залога, т. е. значение центростремительного процесса выражается синтетическими или аналитическими временными формами—так наз. *անկատար՝ գրվում է (է/էր)*, *վաղակատար՝ գրվել է (է/էր)*, *ապագայ՝ գրվելու է (է/էր)*, или синтетическими *գրվեց, գրվիր* и т. д.

Таким образом, пассивный залог в армянском языке имеет отличную от составного сказуемого с причастием в качестве предикативного члена форму, в результате чего и те трудности, которые возникают в результате эмонимии конструкции *to be*+причастие П в английском языке, в армянском устраняются благодаря особому оформлению второго компонента сочетания—причастия. Ср. *Why are your exercises written in pencil?* = *Ինչո՞ւ են վարժարկերը մտախոռվ գրված* (*are written*—составное именное сказуемое) и *Proper names are (always) written with a capital letter* = *Հատուկ անունները գրվում են մեծատառով* (*are written*—аналитическая форма страдательного залога). В армянском это различие в плане содержания находит свое выражение в различном оформлении причастия—противопоставлением *գրվում*—*գրված*.

Как отмечает М. М. Гухман, нетождественность состава аналитической формы и сопоставляемого синтаксического отрезка именного сказуемого может реализоваться в несовпадении вспомогательного глагола (ср. в немецком *werden* и *sein*) или проявляться в особом оформлении второго компонента сочетания: ср. шведск. *hava*+супин (аналитич. пассив) или причастие П (составное сказуемое)¹⁰.

В армянском языке, подобно шведскому, нетождественность составного сказуемого и аналитической формы также проявляется в особом оформлении второго компонента, т. е. причастия, при этом залоговые различия выражаются синтетически, следовательно не имеют непосредственного отношения к проблеме отграничения аналитической формы и именного сказуемого, и в этом отношении армянский язык отличается от вышеупомянутых языков, где сам пассив имеет аналитическую форму. Поэтому, если в одном и том же предложении, *The door was shut at six when I went by, but I don't know when it was shut* в английском языке отсутствуют формальные признаки, которые позволили бы дифференцировать употребление причастия П в именном сказуемом и в аналитической форме пассива, что и приводит к трудности их отграничения, то в армянском языке противопоставление конструкции *հարակատար+եմ* аналитическим формам с другими причастиями или простой синтетической форме дает возможность четко отграничить структурные различия именного сказуемого от простого глагольного сказуемого в форме страдательного залога. Ср. арм. *Ժամը վեցին, երբ անցա [տան մտնով], դուրս փակված էր* (= *փակ էր*), *բայց չգիտեմ, թե՛ ան երբ էր փակվել* (= *երբ էին փակել*).

Важно отметить, что и в английском, и в армянском языке как в глагольном сказуемом в форме страдательного залога, так и в именном сказуемом в качестве служебного слова—вспомогательного глагола или связки, выступает глагол «быть» (*to be*—*be*), который обозначает «чистое состояние» и «чистую данность». И если в английском языке изменение внутренней структуры сочетания—подавление основного лексического значения глагола «быть» и усиление элемента процессуальности в причастии П происходит лишь в результате внесения про-

¹⁰ М. М. Гухман, указ. соч., стр. 17—18.

цессуальности при помощи внешних уточнителей, то в армянском языке лексическое значение глагола «быть» (*ԿԺ/էի*) в сочетаниях с перфектно-результативным причастием никак не подавляется, поскольку само причастие на—*ած* обозначает состояние как результат имевшего место в прошлом действия, т. е. и само причастие обозначает «чистое состояние», «чистую данность». Именно этим сочетания глагола «быть» (= *ԿԺ*) с причастием на—*ած* и противопоставляются аналитическим образованиям с тем же глаголом «быть» и причастием на—*ուի*, которые, как отмечает Г. Б. Джаукян, «обозначают процесс, движение, переход из одного состояния в другое»¹¹.

Однако, как и в случае английского причастия *P*, большая или меньшая степень глагольности (процессуальности в широком смысле этого слова) в значении армянского причастия *հարկաւոր* также тесно связана с лексическим значением самого глагола, от которого образовано причастие на—*ած*. От терминативных глаголов причастие на—*ած* имеет более ярко выраженное значение состояния, как признака предмета, поскольку и здесь, как и в английском языке, в причастии от терминативного глагола выступает грамматическое значение перфектности. Поэтому *Այս սեղանը պատրաստված է փայտից* не может рассматриваться как соответствующая параллель к активному *Այս սեղանը պատրաստում է փայտից*, поскольку, несмотря на ту же временную форму глагола «быть» (*է—ԿԵ*), обе конструкции сильно отличаются друг от друга в плане временной отнесенности (последовательности) и вида. Другая активная конструкция: *Այս սեղանը պատրաստել է փայտից* также не может рассматриваться как соответствующая параллель к конструкции *պատրաստված է*, поскольку она имеет свое соответствие в пассиве: *պատրաստվել է*, в котором, хотя и имеется определенный оттенок перфектности, поскольку действие было совершено в прошлом, но речь в данном случае идет о процессе, а не о состоянии. Таким образом, наличие специальной формы *վաղակատար*, по своему значению в общем соответствующей английскому перфекту, в армянском также, как это происходит в английском¹², оттесняет сочетание *պատրաստված է* к свободным сочетаниям, представляющим собой составное сказуемое¹³.

Несколько иначе обстоит дело с исследуемой конструкцией с *հարկաւոր* от глаголов с ярко выраженным непредельным видовым значением дуративности. Так, арм. *նա բոլորի կողմից սիրված է* соответствует англ. *he is loved by everybody*, где *is loved* рассматривается как несомненная аналитическая форма пассива, параллельная активной конструкции *everybody loves him*, поскольку активная и пассивная конструкции

¹¹ Գ. Բ. Ջաուկյան, указ. соч., стр. 274.

¹² А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 264.

¹³ Вопрос о сущности конструкции *հարկաւոր + ԿԺ*, о разграничении так называемых «временных форм» *հարկաւոր* и *վաղակատար* нами был поставлен еще в 1960 г. в докладе на юбилейной научной сессии ЕГУ («Третья объединенная научная сессия», тезисы докладов, Ереван, 1960, стр. 139—141); Զ. Ա. Ասմանգուլյան, Հայերենի բոլորակողմանի ճանաչողական հարցի շուրջը («Պատմա-բանասիրական հանդես», 1963, № 2).

в английском языке в данном случае не отличаются друг от друга ни по типу времени, ни по линии временной отнесенности. В армянском языке лексическое значение глагола—дуративность—также в определенной мере влияет на общее значение конструкции, поскольку (*իւր*) *սիրված է* может рассматриваться как параллельная активной конструкции (*իւրան*) *սիրում են*. Таким образом, если *սիրարարված է* $\neq$ *սիրարարում են* / *սիրարարել են*, то *սիրված է* = *սիրում են*, хотя $\neq$ *սիրել են*. Однако нам представляется, что это различие чисто лексического характера, зависящее от терминативности и дуративности глагола. Несмотря на отмеченные различные оттенки, в случае дуративного глагола противопоставление *սիրված է* || *սիրվում է* (*Հավ Վարդը միշտ էլ սիրվում ու հարգվում է բոլորի կողմից*) также подчеркивает наличие состояния—признака как квалификации субъекта, в отличие от процесса с обратной направленностью (центростремительность), выраженного аналитической формой *սիրվում է*.

Характеризуя причастие П, А. И. Смирницкий отмечает, что «...причастие имеет ряд именных (адъективных) черт. Акцентируя этот адъективный момент в причастии, мы вводим сочетание *is made* в ряд сочетаний *is bad*...»¹⁴. В армянском языке в самом причастии на *-ած* акцентирован именно этот адъективный момент, почему и, в отличие от других причастий, входящих в аналитические формы спряжения армянского глагола, данное причастие имеет очень широкое применение в адъективной и предикативной (не только субъективной, но и объективной, а также в двойном сказуемом) функциях как отдельно, так и в различных причастных оборотах. Поэтому, несмотря на известное различие между *գրված է* ($\cong$ *գրել են*, *գրվել է*) и *սիրված է* ($\cong$ *սիրում են*, *սիրվում է*), связанное с лексическими особенностями самих глаголов, оба сочетания в армянском языке относятся к одному и тому же типу, имеют одинаковую смысловую структуру, образуя составное квалификативное сказуемое.

Исходя из вышесказанного, конструкции с перфектно-результативным причастием *+-ել (էլ)* от любого глагола—переходного или непереходного, с процессуальным или статальным, терминативным или дуративным значением—мы рассматриваем как сочетания, находящиеся вне парадигматики армянского глагола, относящиеся к уровню словосочетания, т. е. синтаксиса, а не морфологии. Что касается различной залоговой направленности в самом причастии, то она подчиняется общим правилам залоговых противопоставлений в системе армянского глагола: формы с «*վ*» || формы без «*վ*». Ср. *գրել*—*գրվել*, *գրում*—*գրվում*, *գրող*—*գրվող*, *գրել (է)*—*գրվել (է)*, *գրած*—*գրված*.

В отличие от причастия П английского языка, объединяющего в себе грамматические значения пассива и перфекта при переходных глаголах (с отсутствием значения перфектности при дуративном глаголе), перфектно-результативное причастие армянского языка само по себе не выражает залоговых противопоставлений. Для данного причас-

¹⁴ А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 264.

тия важным является значение признака—состояния как результата имевшего место в прошлом действия. Само же значение состояния как результата действия может сочетаться как с активным, так и с пассивным значением в зависимости от залогового оформления причастия. Ср. *he was drunk*—*նա խմած էր* и *The wine was all drunk*—*Ամբողջ գինն խմված էր*. Здесь интересно обратить внимание на сочетание *was drunk*. В обоих предложениях имеется составное именное сказуемое, однако залоговая направленность совершенно иная: в первом случае произошло полное окачествование причастия, пассивное значение в причастии П полностью утрачено, хотя глагол переходный, тогда как во втором предложении все еще сохраняется значение пассивного состояния. Это различие в английском языке не находит формального выражения в самой конструкции *to be* + причастие П. Отграничение одного от другого в английском языке и в этом случае возможно только на основании контекста, тогда как армянский дифференцирует эти значения оппозицией формы причастия с «վ» и без «վ»: *խմած է*—*խմված է*. Необходимо отметить, однако, что, поскольку основным значением причастия на—*ած* является значение состояния, то в нем суффикс «վ» фактически утрачивает значение пассивности, т. е. обратной направленности действия, в результате чего и в причастии на—*ած* происходит нейтрализация залоговых оппозиций. Этим и объясняется тот факт, что в данном причастии суффикс «վ» может опускаться. Ср. у Г. Б. Джаукяна: *սիսծն ասած է* вм. *սիսված է*¹⁵.

Утверждение о том, что при составном сказуемом, выраженном сочетанием глагола *to be* + причастие П, армянский язык соответственно использует конструкцию с перфектно-результативным причастием + *իմ*, вовсе не означает, что всякое сочетание армянского перфектно-результативного причастия со связкой «*իմ*» будет всегда соответствовать английской пассивной конструкции. При обратном сопоставлении, т. е. когда за исходный берется армянский язык, соотношение между армянской конструкцией *հարկաւոր + իմ* и соответствующими английскими конструкциями несколько иное. Здесь необходимо различать два случая: а) *հարկաւոր + իմ* = *to be* + причастие П (составное именное сказуемое); б) *հարկաւոր + իմ* соответствует английской конструкции *to be* + Ving, т. е. аналитической форме длительного вида. Последнее имеет место при ограниченном количестве глаголов состояния, образующих причастие без «վ», поскольку сами глаголы являются непереходными и, следовательно, не могут принимать суффикс «վ» страдательного залога. Ср. *քնած իմ* = *am sleeping*, *նստած իմ* = *am sitting*, *կանգնած իմ* = *am standing*, *լուռած իմ* = *am lying*. К ним можно добавить и такой случай, как *կախված է* = *is hanging*, где причастие на—*ած* употреблено с суффиксом «վ». Ср. *հարկ կախված է պատից*—*the picture is hanging on the wall*.

Однако, с точки зрения армянского языка, и те, и другие сочетания *հարկաւոր + իմ* объединяются общностью значения—состояния как

¹⁵ Գ. Բ. Ջաուկյան, указ. соч., стр. 273.

признака предмета. Иными словами, как в случае *գրված է*, *սիրված է* и под., так и в случае *նստած է*, *քնած է*, а также *կախված է* соответствующие сочетания характеризуют субъект с точки зрения состояния как его признака, при этом как в том, так и в другом случае признак этот статичен и квалификативен. Поэтому мы не видим достаточного основания для включения так наз. «временных форм» *հարակաաար+եմ* в систему спряжения армянского глагола, независимо от возможности или невозможности введения в форму причастия суффикса «վ», тем более, что, как уже отмечалось выше, сам суффикс в сочетаниях *հարակաաար+եմ* десемантизируется и перестает быть показателем пассивности.

ԱՆԳԼԵՐԵՆԻ ԵՎ ՀԱՅԵՐԵՆԻ ՍԵՌԱԶԵՎԵՐԻ ԶՈՒԿԱԴՐԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ

2. Ա. ԱՍՄԱՆԳՈՒՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Անգլերենում կրավորականի սեռաձևի և երկրորդ դերրայով կազմված բաղադրյալ անվանական ստորոգյալի համանունության հեռանքով դժվարություններ են առաջանում նշված կառուցվածքի քերականական իմաստների սահմանադստման կապակցությամբ: Հայերենի անգլերենի կրավորական կառուցվածքում հանգես եկող աարբեր քերականական իմաստների արահայտման համար օգտվում է երկու տարբեր քերականական միջոցներից (հարակաաար դերրայ +եմ կառուցվածք և «վ» ածանցով կազմված բայական պարզ կամ բաղադրյալ սեռաձևերի հակադրություն՝ ըսված է, գրվում է):

Հարակաաար +եմ կառուցվածքը, անկախ բայի անցողականությունից (անանցողականությունից, պրոցեսային կամ վիճակային իմաստից), հայերենի բայական հարացույցի մեջ չի մտնում, այլ գտնվում է բառակապակցության, այսինքն՝ շարահյուսական և ոչ թե ձևարանական մակարդակում: Դերրայի մեջ սեռային աարբեր ուղղվածությունը կապված է հայերենի բայի համակարգում սեռային հակադրության ընդհանուր օրինաչափությունների հետ և չի բխում այդ դերրայի բուն քերականական իմաստից: Ի աարբերություն անգլերենի երկրորդ դերրայի, հարակաաար դերրայն ինքնին սեռային հակադրություն չի արտահայտում: Այս դեղձայի համար կարեորր հատկանիշի՝ որպես տեղի ունեցած գործողության հետեանքով ստեղծված վիճակի իմաստն է: Իսկ վիճակի իմաստը կարող է կապվել ինչպես ակտիվ, այնպես էլ պասսիվ իմաստների հետ՝ կախված դերրայի սեռային ձևավորումից: